

Валерий Бочков

БЕГ МУРАВЬЯ

1

Антонов терпеть не мог, когда его называли на французский манер Серж. Сержем звала его Лора — норовистая московская пигалица, чуть косящая левым глазом и удивительно похожая на певицу Мадонну. Она — Лора, не Мадонна, — складывала яркие губы уточкой и с истомой грассировала: «О, Сэррррж! Сэррррж, мон ами»...

Позднее вся история с Лорой представлялась Антонову гадостью и глупостью. Хотя, если откровенно, было в этой истории кое-что еще — зависть. Дело в том, что Антонов родился в невзрачном захолустье с пожарной каланчой на одном конце города и беленой известью часовней на другом. Железная дорога резала городок ровно пополам, а безусловным центром провинциального мироздания являлась станция. Здание вокзала построил полтора века назад Джузеппе Монзано, ненароком застрявший в среднерусской глуши архитектор из Милана. Об этом оповещала едва различимая надпись на позеленевшей доске у входа. Ностальгия по бергамским закатам в сочетании с уездной тоской породили архитектурное чудовище. Темпераментный Джузеппе храбро смешал мавританский стиль с поздней немецкой готикой, щедро приправив это французским барокко. Здание красного кирпича двойной кладки получилось мощным, как крепость: в случае чего тут запросто можно было бы держать длительную осаду. Фортификационная надежность не помешала итальянскому мастеру проявить и изрядную эстетическую изощренность. Вдоль фронтона на уровне второго этажа из лепных алебастровых выкрутасов, хищных лилий и орхидей вылезали, траурные от паровозной сажи, кругобедрые наяды и грудастые нимфы. В нишах стрельчатых окон прятались хмурые чугунные воины с дробниками и кривыми ножами, а в час ясного заката центральная башня вокзала вспыхивала кафедральным витражом, ослепительному разноцветью которого могла бы позавидовать роза Шартрского со-

бора. Вокзал, увы, оказался последним творением странствующего маэстро. Под конец строительства он сошел с ума и вскоре удавился в местной больнице. Похоронили архитектора тут же, на Ржаном кладбище, что у белой часовни. На могиле неvezучего итальянца до сих пор грустит кособокий ангел без крыла и с оббитым лицом.

Поезда на станции лишь притормаживали, стояли не дольше пяти минут. Сонные пассажиры выползали на перрон, курили. Поплевывая под колеса, жмурились на солнце, пили желтый лимонад из бутылок. Дамы принюхивались к теплому запаху мелких роз и паровозной гари, их красношеие мужья кричали и похохатывали, тыча пальцем в округлые прелести алебастровых нимф на фасаде. Маленький Антонов страстно завидовал пассажирам. И тем — бледным и нервным, что направлялись на юг, и тем — прокопченным и ленивым, что возвращались с юга на север. Рельсы соединяли два недоступно волшебных мира, одинаково манящих и таинственных: столицу на севере и теплое море на юге. Столичная жизнь воображалась Антонову диковинной каруселью, головокружительным праздником без конца и без начала, сверкающим парадом мускулистой молодости, нагло презирающей законы гравитации и силы трения. Успех и слава отменяли нелепость биологии, небрежно вводя бессмертие в разряд банальностей. Манил Антонова и юг, яркий и знойный, с синими тенями колючих пальм на белоснежных стенах курортных отелей, таких розовых при восходе и оранжево-леденцовых по вечерам, томным вечерам, что сладострастным гитарным перебором незаметно ускользают в сиреневую ночь. Воображение рисовало замысловатые фонтаны, мраморные пологие лестницы, что сами влекут к бирюзовому морю, с уголками бледных парусов на безукоризненном горизонте.

Время шло, Антонов уже перестал играть в «ворона», уже не фехтовал на палках и не подкладывал на рельсы трехдюймовые гвозди — колеса поездов плющили их в отличные миниатюрные мечи. Последнее, кстати, закончилось тем, что в самом начале сентября сосед Антонова, толстый и рыжий Сенька Лутц, зацепившись штаниной за шпальный костыль, замешкался и угодил под пятичасовой экспресс. Сеньку рассекло пополам, его мать, рыжая и белотелая (Антонов как-то случайно влетел в ванную комнату, когда та, распаренная, неспешно обтирала свое большое тело мохнатым полотенцем), на похоронах страшно выла, под конец рухнула в моги-

лу, а после поминок вскрыла себе вены. Антонова еще с год мучили тошнотворные кошмары гроыхающего месива колес с прыгающим рыжим мячиком в поддонной черноте.

Именно тогда Антонов поклялся во что бы то ни стало бежать из злосчастливого, поросшего унылыми лопухами захоластья, где ничего хорошего никогда и ни с кем не случалось, а любая радость была изначально чревата бедой и неизбежно вырождавалась в пошлость и фарс, мордобой или поножовщину.

2

Антонову повезло — работы на ранчо оказалось немного, работа была легкая. До этого он дробил камни с Лупастым, звон стоял в голове даже во сне, а в прошлый четверг Лупастого ткнула змея. Он убил ее, пригвоздив киркой к земле. Змея оказалась полуметровой гремучкой и умудрилась укусить Лупастого за икру. Антонов растерялся, он пытался высосать яд, плюясь розовой горечью в пыльный щебень. Лупастый орал и матерился. Четыре красных точки казались чепухой, но по лицу подбежавшего охранника Антонов понял, что дело дрянь.

Лупастого не любили, его побаивались, охранники старались не задевать его, даже Фогель обращался к нему «мистер Мэллоу». В прошлой жизни мистер Мэллоу подавал надежды в полузащите техасских «Дьяволов», гонял на коллекционном «Спирите» и рекламировал спортивные тапки. Потом выяснилось, что он маньяк и педофил: в уликах, показаниях и прочих подробностях несколько месяцев копались следствие и пресса, после присяжные. Судья из Сан-Диего влепил ему сто тринадцать лет без права на апелляцию, словно двухметровый негр-здоровяк и вправду мог прожить так долго.

Оставшись без напарника, Антонов попал на ранчо. Рано утром тюремный автобус привозил его, вечером забирал. Весь день Антонов таскал воду на дальние грядки, наполняя два пятигалонных ведра из тупорылого крана, торчащего прямо из стены дома. Вода текла еле-еле, на каждое ведро уходило минуты полторы. Часов у Антонова не было, он следил за струйкой и считал, шевеля губами:

— Одна Миссисипи, две Миссисипи, три Миссисипи...

Выходило около ста двадцати Миссисипи на ведро. Потом пятьсот сорок шагов до дальнего конца поля, потом еще шестьдесят. Вся жизнь превратилась в устный счет, никогда Антонов не считал так много, никогда цифры и числа не казались столь важными. Особенно вот это число — тысяча восемьсот сорок три, завтра станет на день меньше — тысяча восемьсот сорок два. Антонов верил, что именно счет помог ему не свихнуться от здешнего однообразного бессмыслия. А иногда он подумывал, что именно в счете и выражается его сумасшествие.

Вода текла крученной тонкой струей, холодная и чистая, Антонов опускал руку в ведро, после проводил мокрой ладонью по лицу. И считал:

—...семьдесят три Миссисипи, семьдесят четыре...

Если солнце ныряло за облако, то в узком пыльном окне он мог разглядеть угол кровати, иногда под кроватью лежал башмак с желтой от глины подошвой, иногда свисала какая-то тряпка — рубаха или платье. На стене висела пестрая картонная икона, такими торгуют на мексиканских ярмарках. Над Девой Марией висел дробовик. Антонов видел лишь приклад, но был уверен, что это именно дробовик, поскольку крестьяне меткостью не отличались, а из этой штуки промахнуться было почти невозможно.

Солнце выкатывалось, и окно снова превращалось в зеркало: темный силуэт остриженной головы, за ним телеграфный столб с провисшими проводами, слепящее белое небо и рыжая сухая земля, над которой плавилась ртутью полоска знойного воздуха. Вдоль горизонта громоздились лиловые скалы — там уже была Мексика.

3

Антонов нагнулся, снял башмаки, высыпал пыль и песок. Жаркий безветренный полдень висел над выгоревшей степью, в дальнем конце поля маячил хозяин ранчо, на ярком солнце его бритый затылок казался совсем смуглым и напоминал цветом копченую камбалу. За четыре дня Антонов не услышал от него ни слова, даже когда тот приносил обеденную миску бобов — Антонов благодарил, хозяин едва заметно кивал. Два раза колол дрова: оба раза хозяин подходил, жестом манил за собой. И когда Антонов махал тяжеленным

колуном, ухал и зычно кричал, он видел, что хозяин его ничуть не боится. Это было даже немного обидно. Хозяин щурился от солнца, сунув жилистые коричневые руки в карманы выбеленных штанов, наблюдал за работой, а после уходил.

Хозяина звали Киллгор, его ранчо именовалось «Вдовый Ручей». В округе находились еще две фермы, которые тоже специализировались на жгучем перце, но более ядерного хабанеро, по слухам, не выращивал никто. Антонов уже не сомневался в правоте этих слухов — в первый же день он сдуру надкусил маленький, столь безобидный на вид, зеленый стручок.

Милях в пятнадцать на запад проходила железная дорога, по ней гнали контейнеры в Сьюдад-Хуарес. Иногда ночью Антонов слышал едва различимый перестук колес, до него долетали унылые гудки локомотива, такие одинокие и тоскливые, что хотелось выть. Тогда он начинал считать и где-то на пятой сотне обычно засыпал.

Тот день начался, как обычно: во дворе их погрузили в автобус. Фогель экономил на всем — это был обычный списанный школьный автобус, лишь окна снаружи забраны решетками, да вдоль рядов припаяна стальная штанга, к которой пристегивают наручники. Антонов сел, на спинке переднего сиденья неизвестный хулиган нацарапал, что «Нэнси — сука». Антонов, наблюдая за медленно раскрывающимися воротами, решил, что дело тут в неразделенной любви. Во дворе остались охранники, они закурили и начали зубоскалить. Четыре ротвейлера продолжали нести службу, синхронно поворачивая морды вслед автобусу. Антонов провел пальцем по имени Нэнси, подумав, что сейчас эта Нэнси уже взрослая — по-американски сочная и грудастая тетка и что сам он последний раз был с женщиной семнадцать месяцев назад, за день до ареста. Когда тебе только стукнуло сорок, эти семнадцать месяцев кажутся гораздо длиннее, чем полтора года. Он подумал, каково было Лупастому с его склонностями влезать в этот автобус, сидеть на этих драных сиденьях, по клеенке которых когда-то егозили попки шустрых школьниц, — похоже на хитроумную пытку. Лупастого похоронили во вторник, перед ужином — зарыли за стеной на тюремном кладбище. Хорек рассказывал, что труп просто сунули в пластиковый мешок для мусора и обмотали изолентой, чтоб не скользил. Странно, что у бывшей знаменитости не нашлось ни родни, ни друзей, пожелавших забрать и похоронить его по-человечески. При таком обилии церквей на

квадратную милю, идея всепрощения в Америке выглядела спорно, как нигде. Пожалуй, сам Иисус, окажись он на воскресной службе в каком-нибудь арканзасском приходе, вряд ли догадался, что тут проповедуют его учение.

Автобус поднялся на холм и резво покатил вниз. Шоссе, широкое и гладкое, черной лоснящейся полосой убегало за горизонт. Позади осталась тюрьма, игрушечные ажурные вышки, круглый бок центральной башни прямо на глазах окрасился невинной розовостью. На востоке уже показался персиковый край солнца, и по небу пробежала дымчатая рябь. Начинался день номер четыреста пятьдесят три, знойный, безветренный, бессмысленный.

После полудня жара стала невыносимой, казалось, что в воздухе не осталось кислорода и дышать приходится горячей рыжей пылью. Она скрипела на зубах, мешаясь с потом, щипала глаза. Антонов их тер и от этого становилось только хуже. Он сухо сплюнул, перевернул ведро, сел. Комбинезон прилип к телу, Антонов чувствовал, как пот щекотными струйками стекает по икрам в ботинки. Хозяина видно не было, его ядовито-зеленый трактор стоял у мертвого дуба на холме. Дерево, словно разрубленное циклопическим колуном, было расщеплено вдоль ствола, часть кроны обгорела, и сучья топорщились черными обрубками. За дубом, вдоль горизонта тянулась серая полоса, небо от пекла полиняло и стало белым, как разведенное молоко. По верхнему краю серой полосы пробежала ртутная змейка, и оттуда донесся едва различимый утробный рокот. Полоса темнела и росла, растекаясь по горизонту и медленно наливаясь чернильной мутью. В фиолетовом мареве что-то клубилось, набухало и вспыхивало, рокот приблизился, стал громче, казалось, что терзают гигантский контрабас.

Солнце потухло, оно проглядывало плоским желтым блином сквозь пыль, которая стеной приближалась к ранчо. Равнина окрасилась болезненно-желтым тоскливым светом, горы стали едко-лимонными. Тут же налетел шквал ветра и пыли. Антонов согнулся, закрыв лицо руками. За первой волной, сухой и жаркой, ударила вторая, холодная и свежая. Запахло дождем. Ливень обрушился водопадом, хлестал по плечам, больно бил в лицо, Антонов подумал, что в таком дожде запросто можно захлебнуться. Он зачем-то схватил ведра и, неуклюже скользя по жидкой оранжевой земле, побежал к дому.

Дверь была распахнута настежь, в черном проеме, по-хозяйски уперев локти в косяки, высился Киллгор. Он смотрел на дождь, смотрел внимательно, даже придирчиво, словно имел непосредственное отношение к организации этого мероприятия. Антонов, добежав до крыльца, остановился и опустил ведра. Капли весело забарабанили, быстро наполняя их водой. Антонов взялся за поручень и хотел шагнуть под навес, но увидев взгляд хозяина, передумал. Отступив назад, он оказался под самым стоком с крыши. В этот момент полыхнула молния, и сразу же с оглушительным треском ударил гром, от неожиданности Антонов поскользнулся и упал.

— Его ж гроза убьет! Пусти его!

Он услышал сзади женский, почти детский голос, поворачиваясь, подумал, что убить может молния, а не гроза. За спиной Киллгора мелькнуло лицо, русые волосы, хозяин рывкнул: «На все Божья воля!» — и с грохотом захлопнул дверь.

4

Антонов повернул вентиль, и из крана выползла змея. Она бесшумно упала в ведро и свернулась на дне блестящими кольцами, словно мокрый шланг. Это была точно такая же гремучка, как и та, что тяпнула Лупастого. Антонов заглянул в окно, хозяин спал, свесив из-под стеганного одеяла ногу в кавалерийском сапоге. Сапог сиял, будто облитый черным лаком, шип стальной шпоры воткнулся в пол. «Лошадей-то нет, странно...» — подумал, поворачиваясь, Антонов. Что-то красное промелькнуло и исчезло за углом амбара. Антонов, тихо ступая, приблизился к дощатой стене, осторожно выглянул. На дальнем конце поля, раскинув руки, стояла дочь фермера в красном платье. Она беззвучно смеялась и, поманив Антонова, быстро пошла к сухому дубу. Антонов пригнулся и, как в детстве, когда играл в индейцев за Ржаным кладбищем, неслышным скорым шагом помчался за ней. Она повернулась, улыбнулась и тоже побежала.

Она бежала очень быстро, белые пятки так и мелькали, красная ткань обтягивала бедра и ягодицы. Бегунья поравнялась с мертвым дубом, замерла на миг и скрылась за холмом. Антонов припустил, от бега стало радостно, он ощущал, как ноги несутся сами, едва касаясь земли. На холме он замешкался, открывшийся вид поразил его: вы-

женной степи не было — до самого горизонта тянулись клеверные поля, слева мутно белели вишневые сады, из-за которых выглядывали игрушечные крыши какой-то деревни. Отара овец рассыпалась по склону белыми бусинками, дальше высились загадочные очертания лиловых скал, а за ними синел бесконечный океан.

«Ну и красотища! — не веря глазам, прошептал Антонов. — Океан, надо же!» Красное платье уже мелькало далеко внизу. Антонов глубоко вдохнул и радостно помчал вниз под уклон. Мягкий клевер охлаждал ноги, он не помнил, когда снял башмаки. На ходу он сбросил комбинезон и увидел, что бегунья тоже, не останавливаясь, скинула платье. Сердце его отчаянно колотилось, предвкушение наполнило упругостью тело, мышцы ног сладко ныли, казалось, что он несется, не касаясь земли. Расстояние сокращалось, он уже видел капельки пота на ее плечах, мог уловить карамельный запах русых волос. Он знал, что она может бежать быстрее, но, маня его, нарочно замедляла бег. Вдруг она остановилась, повернулась, развела руки в стороны. Он, с жадной грацией самца, обнял ее, нашел губы, горячие и мокрые. Она застонала. Он, чувствуя, что уже не в силах сдерживать себя, прижался к ней, тоже застонал, проваливаясь в звенящую бездну. Звон становился громче и громче, под конец взорвался ослепительным солнцем. Антонов вскрикнул и открыл глаза. В клетке включили свет, по коридорам, захлебываясь в собственном эхе, гремел звонок утренней побудки. В соседней камере зашелся в кашле Хорек, кто-то спросонья матерился, внизу злобно орала охрана. Начинался новый день, день номер тысяча восемьсот тридцать семь.

После завтрака, от которого у Антонова тут же началась неизбежная изжога, всех заключенных вытолкали во двор. Солнце пыталось пробиться сквозь марево, парило нещадно, после вчерашнего ливня жара была, как в русской бане.

— Хухим бежал, — кто-то сказал негромко сзади.

— Ну!

— Да взяли... — обреченно отозвался тот же голос.

Хухим, грязный, в рваном рыжем комбинезоне, лежал в центре плаца. На нем был строгий ошейник — стальной обруч на шее, от которого шли цепи к браслетам на запястьях и лодыжках.

— Собаками... вот выродки, — прошептал кто-то за спиной.

— А ты не бегай, — ехидно вякнул Хорек и тут же получил локтем под ребра от соседа.

Ротвейлеры, натянув поводки, рычали и азартно переступали на мускулистых лапах, всем видом заверяя, что это была только разминка, они способны на большее.

Фогель только вернулся с утренней прогулки, не спешиваясь, он пустил Провокатора шагом вдоль строя. Без особого интереса поглядывая на заключенных, он что-то говорил лошади. Провокатор одобрительно покачивал большой породистой головой. Поравнявшись с Хухимом, Фогель придержал поводья, вытянув шею, привстал в стременах, выискивая кого-то. Нашел, подозвал жестом. Из строя вынырнул Лапочка и, отклячив бабий зад, подбежал, услужливо ухватил лошадь под уздцы. Фогель ловко соскочил. Звякнули шпоры — Антонов хмыкнул, узнав лакированные кавалерийские сапоги. Фогель потянулся, сняв шляпу, вытер платком лоб. Что-то негромко сказал.

— Парит, говорю... — повторил он громче. — Какая грозища вчера, а?

Фогель аккуратно, словно боясь повредить голову, надел шляпу. Скомкал платок и, заложив руки за спину, на прямых ногах пошел вдоль строя. Он напоминал худую черную цаплю.

— Меня очень расстроил Хухим. — Фогель сделал грустное лицо. — Очень. В такие минуты кажется, что все мои старания напрасны. Что вообще все зря. — Он промокнул лицо платком. — Вот ведь парит... — Он, придерживая шляпу, задрал голову, огляделся. — С одной стороны, конечно, дождь нужен... А с другой — такая парилка. — Он помолчал. — Для вас ведь стараюсь. Я б мог ресторан купить. Или отель. На берегу моря. А? Вон, под Эрморсильо, там вообще все копейки стоит. Лежи в себе в шезлонге, пинаколады попивай. Шампанское «Дом Периньон». Тут же туристки из разных стран. Шведки.

Фогель, плюнув в платок, нагнулся и аккуратно протер острый нос сапога. Лак засиял, на носу загорелся зайчик.

— А тут вы — убийцы, грабители, насильники. Жулики.

Болтали, будто Фогель делает миллионы на своем тюремном бизнесе. Это было сомнительно: разумеется, какие-то деньги он получал из бюджета штата. Сдавал эков в наем фермерам, но при конкуренции с мексиканцами-нелегалами вряд ли тут можно было говорить о серьезном барыше. Кроме тюрьмы, которую в округе называли «Биржей», он владел конюшней и спекулировал лошадьми. Тоже не ради денег — лошади были для души. Основной же доход приносила контрабанда. Имея лицензию на оружие для тюремной

охраны, Фогель наладил выгодные связи и снабжал приграничные районы от Ногалеса до Лос-Мочис «Глоками» и «М-16», не брезговал и транспортировкой кокаина. Тюрьма оказалась отличной ширмой, выдрессированная охрана — маленькой, мобильной армией. Единственное, что отвлекало от дел — это зэки. Фогель грустным взглядом обвел строй, брезгливо покосился на Хухима, подмигнул Провокатору. Вынул мобильник, позвонил, что-то сказал. Из громкоговорителей, прикрепленных к столбам вышек, сперва тихо, после ширясь и разрастаясь, полились ангельские голоса хора первой части «Страстей по Матфею». Фогель улыбнулся и посветлел лицом, он считал Баха величайшим композитором.

В автобусе Антонов сидел, закрыв глаза. Сзади азартно обсуждали Хухимов побег, искали промахи.

— На мусорке надо винтить, — горячился Шакалыч, сетевой аферист и хакер, — мусорка — верняк!

— Ну да! Тебя как раз прямиком на сжигалку и доставят. Дымком из трубы на свободу!

— Главное время рассчитать, время! Если, к примеру, часа два форы...

«Хухиму припаяют пять лет за побег, — думал Антонов. — Вот так, на пустом месте. А с другой стороны сидеть, как кролик в клетке, и не рыпаться? Тут хоть какая-то видимость жизни — с собаками, опять же, ловят». На ранчо он складывал дрова в поленницу у стены амбара, потом копал яму. Киллгор пару раз возвращался, хмуро глядел на красную глину, постояв, уходил, так и не сказав ни слова. Антонов рыл не спеша, изредка поглядывая на окна дома. Лишь под вечер ему показалось, что она промелькнула в темноте комнаты.

5

Следующий день снова начался с ведер: сто двадцать Миссисипи на ведро. Потом пятьсот сорок шагов до дальнего конца поля, потом еще шестьдесят. Антонов стоял у крана, когда она вышла на крыльцо с большой корзиной. Он растерялся, кивнул, у него сорвался голос, когда он произнес: «Привет», — из-за того сновидения он чувствовал к ней, незнакомой и чужой, странную близость, будто давно знал ее. Одновременно ему было неловко и стыдно, что он без согласия так вольно распорядился ею. Она промолчала, даже не кивнула

в ответ. На вид ей было не больше двадцати, Антонов теперь видел, что она младше, чем ему показалось тогда, во время грозы, скорее девчонка, чем женщина: русые волосы, стянутые в пучок, серые, быстрые глаза. Угловато повернувшись, она поставила корзину на скамейку. Корзина доверху была наполнена стручками сушеного перца, похожего на рубиновые елочные фонарики.

— Халапиньо? — спросил Антонов.

— Хабанеро. — Голос оказался взрослым и чуть хрипловатым. — У вас вода...

Вода лилась через край, вокруг ведра уже набежала лужа, постепенно подбираясь к ботинкам Антонова. Он упруго подхватил тяжелое ведро, вода плеснула на штанину. Левой рукой он подставил пустое ведро под кран, струя бодро зазвенела о дно.

В клетке, как только выключили свет, он, закинув руки за голову, растянулся на узких нарах. Закрыв глаза, представил ее лицо. Губы. Вздохнул: ничего хорошего из всего этого явно не могло выйти. Вспомнил Лору, ее лица он представить не мог, мешала певица Мадонна. Он представил Мадонну, острогрудую, маленькую и жилистую, с капризными, слишком темными для блондинки, бровями. Получилось похоже — вылитая Лора. Добавил красный карамельный рот: «О, Сэрррж, мон ами!» Вот ведь гадость!

Лора Луцкер являлась женой, или, как она предпочитала себя называть, «супругой» Глеба Луцкера, тогдашнего компаньона Антонова. «Нету размаха в тебе, — потягивая пиво и почесывая красную распаренную грудь, добродушно сетовал Луцкер, развалясь на диване отдельного номера в Сандунах. — Провинциал ты, Сергунька, про-вин-ци-ал». Что тут возразить — Антонов всего шесть месяцев назад попал в столицу, его красный диплом никого тут не впечатлил, и он устроился в скучную контору без явных перспектив и с нелепой зарплатой, но вот пришел август, и грянул пуч. Антонов очутился на баррикадах. Происходящее напоминало детскую игру, он азартно включился, их отрядом руководил Луцкер. В ночь на двадцать первое Антонов оказался внутри Белого дома, видел, как горели троллейбусы на кольце, как подходила бронетехника. Замолчало радио. Игру это уже не напоминало, но и страха не было — сейчас, лежа на нарах калифорнийской тюрьмы, он уверенно мог сказать, что те дни стали лучшими днями его жизни. Никогда, ни до, ни после Антонов

не испытывал такого восторженного подъема, чувства огромного и необъяснимого, и очень похожего на счастье.

Он стоял рядом с танком, когда Ельцин говорил, стоял так близко, что мог дотянуться до его штанины, видел, как отчего-то плакал солдат-танкист, в шлемофон ему кто-то воткнул гвоздику, а на пупырчатой броне алой помадой было написано «Свобода!»

«Парень! Такой шанс раз в жизни бывает, тут главное клювом не щелкать! — утверждал Глеб Луцкер, баллотируясь в депутаты. — Мы с тобой, Сергунька, так поднимемся, что правнукам хватит. Нам с тобой еще и дворянские титулы пожалуют с лентой через плечо, вот увидишь! Князь Луцкер и барон Антонов, зуб даю!»

Под офис князь ухватил особняк на Обуха, депутатство оказалось повыгодней дворянства: беспошлинная лицензия на ввоз спирта «Роял» и водки «Распутин» за год принесла сказочную прибыль. На Луцкера покушались, невероятное везение помогло ему вывернуться и отделаться лишь царапинами и изуродованным «Гранд-Чероки». Заказал убийство хороший знакомый Луцкера, президент «Интер-Колосса» Владимир Нестеренко. Владимира нашли, привезли на дачу. Глеб в подвале сам забил его до смерти.

«Вот ведь сука! — ругался Луцкер. — Сапоги австрийские, новые испоганил, ведь хрен отмоешь!»

Ни тогда, ни теперь Антонов не мог взять в толк, зачем он связался с Лорой. Доказать себе, что он не хуже Луцкера? Пожалуй. Единственно логичное, но не очень утешительное объяснение. «Ты себе вообразил, что, трахнув ее, ты меня опустил, да? — В трубке голос Луцкера звучал насмешливо. — Вон какой я ловкий пострел, гляди, жену шефа поимел. — Луцкер захихикал. — Ошибочка вышла, однако. Ты мне, Сергунька, не конкурент. И я б тебя простил, если б ты ее драл по-тихому, культурно, как интеллигентный человек. — Луцкер грустно вздохнул. — Так ведь нет, тебе непременно по кабакам, по казино нужно шастать, чтоб вся Москва видела. И получается, что Сергунька наш — герой-любовник, а господин Луцкер хоть и олигарх, а козел-рогоносец. Вот какая петрушка. Посему, в целях, так сказать, пиара и укрепления личного имиджа мне придется, друг ты мой ситный, тебя наказать. Счета я твои уже заблокировал. — Тут голос его посерьезнел, и он произнес угрожающе и с расстановкой: — Короче, если ты, шкура, в двадцать четыре часа не исчезнешь...»

Антонов не стал дослушивать и нажал отбой. Вечером он летел в Амстердам.

6

— На какой запад, тетеря? — возмущенным шепотом возразил кому-то Шакалыч. — На юг! Если отрываться в одиночку — тут семь миль до железки, а там на товарняке — через час ты уже в Мексике.

Лупастый тоже уверял, что железка — это верняк. На границе по-рожняк не смотрят, американцам наплевать на весь выходящий из страны транспорт. А мексиканцам, тем вообще все до звонка. Ну, кроме текилы, разумеется.

Автобус притормозил, Антонова качнуло вперед, Шакалыч тихо выматерился:

— Мать твою! Людей везешь, крестьянская морда!

— А ну молчать, гниды! — заорал охранник, треснув дубинкой по железной стойке. — Ант, на выход!

Антонов, гремя цепью, поплелся к выходу.

— Ни в чем себе не отказывай, сынок! — Охранник ухмыльнулся щербатым ртом, отстегнул наручник и подтолкнул Антонова к дверям.

Он увидел ее только под вечер. Сначала мельком, на крыльце. Она, наклонясь, что-то там делала, ему с дальнего конца поля было не разобрать. Он еще подумал, что их крыльцо больше похоже на плот с навесом, чем на крыльцо.

К вечеру жара спала, по небу плыло одинокое пухлое облако, с розоватым боком.

Антонов подставил второе ведро под кран.

— Как утка, да?

Волосы ее были расчесаны на пробор, на шее блестело ожерелье из фальшивого жемчуга. Она терла босую пятку об икру другой ноги и глядела вверх. Антонов поднял голову — облако больше напоминало толстуху в кресле, но он кивнул и согласился:

— Утка. Да. Похоже.

— А другие, которые камни для дороги дробят, те в цепях.

— Мне доверяют. — Он улыбнулся. — Заключенный, которому можно доверять.

Она недоверчиво прищурилась:

— У нас ружье. И я умею стрелять.

— Разумеется. Когда живешь в такой дыре, да еще рядом с тюрягой... — Антонов тут же пожалел о сказанном, но она, судя по всему, не обиделась.

— Я дальше Ногалеса не ездила. Даже океана не видела. Только по телевизору, Евангельский канал... Но у нас сигнал плохой. — Она грустно кивнула в сторону допотопной тарелки, криво прибитой к водостоку на крыше.

Антонов молча кивнул. Его так и подмывало крикнуть этой девочке, что там — целый мир: Нью-Йорк, Сан-Франциско, Европа, Флоренция, Париж, Елисейские Поля; что будь он на ее месте, он бы прямо сейчас рванул из этого перечного захолустья, рванул, не оглядываясь и не сожалея. Будь он на ее месте.

— А за что в тюрьму попал?

— Паспорт просрочил, с документами недоразумение, словом.

Антонов решил не уточнять, что на таможне, помимо фальшивого паспорта, у него изъяли незарегистрированный «Магnum» и две коробки патронов.

Облако вытянулось и из толстушки-уточки превратилось в алую пирогу.

— Долго еще сидеть?

— Тысяча восемьсот двадцать девять дней.

Она задумалась, считая про себя и по-детски шевеля губами.

— Тебя как звать? — спросил Антонов.

— Люси. Люси Киллгор.

Он ждал, что она спросит его имя. Она не спросила.

— А я — Антонов, можно — Ант.

Она засмеялась:

— Ант! Это ж муравей. Вот так имя! Ты откуда, из Канады?

Антонов тоже засмеялся:

— Почти.

Люси вздрогнула, мотнула волосами, неожиданно резко повернулась и, стуча пятками, быстро взбежала на крыльцо. Суетливо подхватив корзину, она вошла в дом, ржавая пружина с треском захлопнула за ней дверь. Антонов потянул носом воздух — от ее волос действительно пахло карамелью; он ловко поднял полные ведра. На холме у сухого дуба стоял трактор, на подножке, свесив темные руки, сидел Киллгор.

Ночью, вспоминая разговор с Люси, Антонов не мог заснуть — до него вдруг дошло: кто он такой, чтобы учить жить кого бы то не было? Даже эту сопливую девчонку, которая вдвое моложе его. Ему стало стыдно, он тихо выругался. Чего он добился в свои сорок, чему научился, что умеет? Свободно изъясняться на трех языках? Отличать калифорнийское «мерло» от французского «медока» и дробить дорожные камни молотком до звона в ушах? Единственное, в чем он преуспел — это бег. Мастерски научился бежать без оглядки, лететь на всех парусах, мчаться во весь опор. Непонятным образом жизнь превратилась в непрерывное перемещение по карте, сначала местного масштаба, после общесоюзного, а под конец дело дошло до глобуса. Муравей, ползущий по глобусу. Без смысла, без цели. От перемены географических координат сумма души не меняется. Равна нулю. Антонов накрыл голову подушкой. От нее воняло тиной, она была тяжелой и казалась набитой сырым речным песком. До него донесся едва слышный гудок локомотива, после он разобрал перестук колес, скорее угадал, чем услышал, бодрый четкий ритм, похожий на бой здорового сердца бегуна. Через час этот поезд пересечет границу, через полтора железная дорога отклонится на запад, и поезд покатит над светлеющим от утренних лучей океаном. Антонов сжал кулаки и начал считать, пытаясь заснуть.

Прошло два дня прежде, чем он увидел Люси снова.

— А ты не думал убежать?

Она спросила об этом просто, словно о чем-то совсем обыденном. Антонов представил клетки, вышки, садистов-охранников, чокнутого Фогеля на вороном Провокаторе, трехметровую стену с колючкой по верху, слюнявые пасти ротвейлеров.

— Конечно, — беззаботно ответил он. — А ты?

Она посмотрела ему в глаза со странным выражением: что-то похожее на смесь грусти и удивления. На шее у нее были те же копецные бусы, фальшивая золотая застежка съехала набок, у Антонова появилось непреодолимое желание поправить. Он заметил на виске белый короткий шрам. Она, поймав его взгляд, поправила прядь и быстро спросила:

— А кто-нибудь пытался?

— Да, две недели назад. Собаки взяли след, через час парнишку поймали. Встречали с пирогами и пышками.

— А у тебя есть план? — Она, сделав ударение на «у тебя» спросила так серьезно, что Антонов растерялся и ответил просто:

— Да.

И, протянув руку, все-таки поправил бусы. Она вздрогнула, но не отпрянула, а подалась к нему, чуть приоткрыв мокрые, детские губы.

«Этого делать нельзя ни в коем случае», — услышал Антонов голос у себя в голове, но Люси уже, глубоко задышав, прижалась к нему. Она всхлипнула, обмякла, ему показалось, что она теряет сознание, он еще крепче сжал ее. Платье, ветхое, застиранное, оказалось тонким, как марля. Его огрубевшие руки цеплялись мозолями за ткань. От волос пахло карамелью, за холмом нудно тарахтел трактор. Антонов подумал: «Будь, что будет», — и, закрыв глаза, больше уже не думал ни о чем.

Пекло стояло адское. Антонов сел на сухую глину, у него мелко дрожали колени. Люси, прислонясь спиной к стене дома, сложила ладонь лодочкой, набрала воды из крана, умыла лицо. Тяжело дыша, она глядела на Антонова. Ему страшно хотелось курить, он откашлялся, словно у него першило в горле и с шутливой беспечностью спросил:

— Ну что? Видать, теперь придется на тебе жениться, Люси? — Он ощутил, что ему приятно произносить ее имя. — Буду просить руки у твоего папаши. А то он еще меня пристрелит сгоряча, пожалуй, — как это у вас, у фермеров, тут заведено.

Шутка не удалась — Люси яростно посмотрела на него и быстро пошла к крыльцу. Антонов вскочил, догнал ее, хотел что-то сказать, извиниться, но она перебила его и приблизив лицо, зло сказала:

— Мой отец умер. Этот... — она мотнула головой в сторону холма, — этот — мой муж.

8

День клонился к вечеру, Люси перебирала фасоль на кухне. Из камина горько тянуло сырой сажей. Не подходя к окну, она видела, как тюремный автобус забрал Антонова, развернулся и покатил в сторону «Биржи». Сзади, на желтой жести, проглядывала плохо замазанная надпись «School Bus». Она, комкая полотенце, опустилась на табуретку, долго разглядывала копоть на пустой стене, а потом разревелась. Она всхлипывала, качалась взад и вперед, ку-

мая полотенце. Повторяла без конца: «Бедная Люси, бедная Люси Синклер!»

Люси Синклер исполнилось восемь, когда ее отца убило молнией. Стоял жаркий август, он работал в поле, а гроза налетела так быстро, что он не успел даже добежать до фермы. Через два года мать вышла замуж: хозяйство без мужика разваливалось, а тут как раз подвернулся Карлос. В двенадцать лет Люси упросила мать отправить ее к иезуитам. Монастырь и школа находились всего в сорока милях от фермы. Люси уверяла, что хочет учиться, она не сказала матери, что когда та лежала с переломом ноги в Сан-Лоредо, отчим дважды изнасиловал ее. У иезуитов ей жилось спокойно, за четыре года монахини толком не научили Люси ничему, кроме дюжины молитв и умению печь яблочный пирог с корицей. Она с удовольствием копалась в монастырском огороде, выращивая базилик, пармскую петрушку и сочные хрустящие огурцы. Желтые огуречные цветы она трогала губами и шепотом называла их «ангелочками».

В конце августа в монастыре появилась мать. С ней приехал сосед, хозяин «Вдовьего Ручья» по фамилии Киллгор. Он так и представился: «Киллгор», — и протянул Люси коричневую, жилистую руку. За оградой трещали цикады, солнце, похожее на румяный блин, жарко растекалось по горизонту. Ласточки беззаботно носились над головой, весело перекликаясь, будто уверяя, что все теперь будет хорошо. К сожалению, предсказания ласточек не сбылись. В первую брачную ночь муж избил ее в кровь, узнав, каким образом Люси лишилась девственности. Он был уверен, что это она соблазнила отчима. Через четыре месяца у нее случился выкидыш, муж усмотрел в этом божью кару. Полностью разделяя справедливый гнев, он решил добавить и от себя — Киллгор так саданул ей, что у Люси на всю жизнь остался шрам на виске.

У Киллгора, протестанта по рождению, к тому времени уже сложились особые отношения с Господом: иногда Он беседовал с Киллгором, иногда давал советы во сне. Даже работая в поле на тарахтящем тракторе или перебирая стручки, что сушились на брезентовых полотнах, Киллгор всегда ощущал Его строгий и внимательный взгляд. Церковь в Сан-Лоредо с приходом отца Джекоба, круглого и добродушного миссионера (по слухам, он почти десять лет провел среди каких-то дикарей в дельте Амазонки), впала в либерализм, среди паствы появились мексиканские голодранцы, и преподобный

отец не нашел ничего лучше, чем вести часть проповеди на испанском. Киллгор дважды говорил с пастором, тот лишь улыбался и отвечал, разводя розовыми ладошками: «Иисус любит всех, мы все его дети». Киллгор помолился, плюнул и начал ездить к Евангелистам в Грин-Тинос. Тамошний пастор, мрачный и седобровый старик, с трубным голосом пророка, ему понравился, он много цитировал из Ветхого Завета и Откровения, убедительно говорил про конец света и Страшный Суд. У Киллгора мурашки по спине бежали при словах про Шестую печать: «И придет день гнева — содрогнется земля и падут звезды с небес, а небеса станут как свиток, а луна как кровь, а солнце как власяница». Да Киллгор и сам видел знаки Второго Пришествия — и Блудницу Вавилонскую, и зверя, вышедшего из Японского моря и угробившего реактор, и двухголового жеребенка с соседской фермы. А когда прошлой зимой грозный голос во сне повелел: «Киллгор! Иди и смотри!», — он как наяву узрел то, о чем писал святой Иоанн Богослов: вспыхнула земля и встало пламя до небес, а из пламени вышел конь, и был тот конь бледен. А на коне том сидел всадник, и имя всадника тому — смерть. Сон произвел сильное впечатление на Киллгора, двое суток он не выходил из дому, не ел, не спал, лишь читал Святую Книгу и молился.

9

Второй раз за неделю транслировали токкату и фугу ре-минор (музыку выбирал сам Фогель, сам же и анонсировал красивым, спокойным баритоном), ему явно нравилась именно эта вещь. Музыкальные двадцатиминутки устраивались перед самым отбоем и должны были настроить эзков на возвышенно-духовный лад. Койку откидывать еще было рано, охранники, не подверженные умиротворяющему воздействию Баха, могли запросто накостылять по ребрам, поэтому Антонов сидел на припаянной к полу табуретке и пересчитывал заклепки в ржавом полу. Камера была не больше туалета в поезде дальнего следования, даже стальной унитаза напоминал вагонный. Торцовая стена из железных прутьев, в ней — узкая решетчатая дверь. Антонов знал точную длину камеры — сто восемьдесят сантиметров: когда он ложился на койку, уперев пятки в решетку, его макушка доставала как раз до противоположной стены. Это при

условии, что его рост не изменился. Боковые стены — железные листы, когда-то покрашенные серой корабельной краской, кое-где облупившейся и от пола до потолка исцарапанной надписями и рисунками. Антонову так и не удалось оставить здесь свой автограф: когда он попал в камеру на стене уже не осталось живого места.

Фуга уже перешла в код, повторяя в плавном адажио назойливую тему токкаты. Звуки стали тягучими, словно музыка к финалу выбилась из сил и устала. За решеткой, тихо ступая по железному полу, неспешно проплыл охранник. Эхо последнего аккорда умерло, Антонов откинул койку, и тут же погас свет. «Надо спокойно во всем разобраться», — эту фразу Антонов повторял уже с полчаса, дальше дело, однако, не шло. Он зажмурился, закрыл лицо ладонями, пытаясь собраться с мыслями. От рук пахло Люси. Антонов тихо застонал, и перед глазами снова закрутилась карусель прошедшего дня: ее приоткрытый рот, белый шрам у самых волос, запах карамели, стук трактора, не отец, а муж. «А что завтра? Как себя вести? Сделать вид, что ничего не случилось? Нет, это глупо. Надо поговорить... И что сказать?»

Кто-то вскрикнул во сне и невнятной скороговоркой что-то забормотал. «Надо спокойно разобраться. И поговорить».

Говорить не пришлось — ни на следующий день, ни в субботу Антонов ее так и не увидел. В понедельник он снова таскал ведра и поливал, а после обеда собирал созревшие стручки в большую корзину. От жгучего зеленого сока першило в горле и текли слезы, к вечеру окружающий мир расплылся окончательно, и до автобуса Антонов добирался почти на ощупь. Он испытал даже какое-то злорадное удовольствие от этих мелких мук, словно искупал грех и приводил в равновесие свою блудливую душу. Дослушав трио-сонату анданте ре-минор, Антонов растянулся на койке и сразу заснул. Спал он крепко и без сновидений, по крайней мере, утром он ничего припомнить не мог, а днем, когда Антонов гремел ведрами у крана, Люси подошла к нему и сказала, что поможет ему бежать, если он возьмет ее с собой.

У нее были серые глаза, лицо ее побледнело, лишь на острых скулах проступал румянец. От этих глаз Антонову стало не по себе — так обычно дети глядят на взрослых, раскусив их ханжество и вранье и давая им последний шанс. Он опустил взгляд, вода в ведре мерно покачивалась и вспыхивала серебряным зайчиком, словно подмиги-

вая. Он посмотрел на кирпичную стену, тупорылый латунный кран с застывшей на носу каплей, мятый водосток на крыше. Дальше белело знойное небо без единого облака. Еще один душный, бессмысленный день. Стало тоскливо, у Антонова заняло под ложечкой, как бывало перед тюремной дракой, он понял, что, сказав «да», он возьмет всю ответственность за эту девчонку на себя. Он заставил себя посмотреть ей в глаза и тихо произнес:

— Да.

На ужин были скользкие спагетти в соусе ржавого цвета. Сразу после ужина дьявол взялся за Антонова всерьез. Устроившись на левом плече, бес принялся нашептывать ему в ухо, по традиции напирая на здравый смысл и личную выгоду. Антонов честно сопротивлялся, но аргументы нечистого отличались убедительностью, пришлось согласиться с некоторыми доводами. «Безусловно, Люси неоценима: прежде всего — одежда, бежать в рыжем тюремном комбинезоне было просто смешно. Потом транспорт — пусть проверит свой «плимут»: бензина чтоб полный бак, масло дольет, если нужно. Не хватает заглохнуть где-нибудь на трассе. Третье — ее документы и кредитки. Но это будет плюсом лишь до тех пор, пока ее не объявят в розыск. Главное: успеть доехать до Сан-Диего, там у меня деньги, люди. Главное — попасть в Сан-Диего». В Сан-Диего задерживаться он не собирался. Антонов и раньше понимал, что жить в Калифорнии с фальшивыми документами рискованно, малейший прокол мог стать роковым. Поэтому основные капиталы он уже перевел в «Банко дель Мехико», туда же собирался отправиться и сам. Антонов уже приглядел и место: черепичная крыша, по-украински беленые мелом стены, увитые диким виноградом, с террасы закат, как в кино. Но главное — тамошняя полиция гораздо лояльней калифорнийской, да и кому придет в голову подозревать состоятельного гринго в том, что у него липовый паспорт? Да, Люси неоценима. Но лишь до Сан-Диего. А что он будет делать с ней потом? С деревенской девчонкой, которую он толком-то и не знает? Испугавшись или передумав, она запросто сдаст его полиции. Антонов вспомнил серые глаза, диковатый взгляд. Ведь сдаст? Вспомнил, как его грубые ладони цеплялись за ткань платья, он боялся, что исцарапает ей кожу своими мозолями. Вспомнил, как она прижалась, обмякла, став сразу меньше и легче, а мир вокруг утратил краски и сло-

жился, подобно детской картонной книжке. Потерянный рай оказался не такой уж высокой ценой.

Антонов прижался лбом к железной стене. Стена была ледяной и мокрой, словно вспотела. Ему стало невыносимо тоскливо и одиноко, дьявол сделал все, что мог, и удалился.

10

Штаны были чуть длинноваты, Антонов подвернул их. Натянул тюремные башмаки, дрожащими пальцами завязал шнурки. Ботинки Киллгора оказались велики размера на два, Антонов сунул их в пустое ведро. Сверху, зло скомкав, затолкал рыжую робу.

Люси с серьезным лицом наблюдала за переодеванием, наблюдала молча, держа в руке маленький розовый чемодан, такой детский и кукольный, что у Антонова, когда он его увидел, комок подступил к горлу. Он был почти уверен, что внутри лежит зубная щетка, кружаш лавандового мыла, который ей когда-то подарили на Рождество, ночная рубашка пастельных тонов, мохнатые шлепанцы и плюшевый мишка без одного глаза и с надорванным ухом.

Антонов запутался в рукавах рубахи, пришлось снять, вывернуть и надеть снова. От ее взгляда ему стало неловко, неловко за тюремное белье — серую майку и застиранные до дыр трусы (такие в детстве дразнили «семейными»), за свои бледные худые ноги, за дурацкую татуировку, которую он сделал по пьяни в Амстердаме.

Киллгор сразу после обеда укатил в Сан-Лоредо, Антонов помогал ему грузить пустые ящики. Уже закончив, хозяин спрыгнул с кузова, хмуро подергал крепежные ремни, буркнул: «К пяти вернусь, будешь тару разгружать».

У рубашки в крупную болотную клетку пришлось закатать рукава. Антонов застегнул верхнюю пуговицу, потом снова расстегнул, энергично потер ладони и, глядя мимо Люси, сказал с бодрой серьезностью: «Ну, так! — Он негромко хлопнул в ладоши. — По коням!» Люси кивнула, подошла к нему и молча поцеловала в щеку. Потом взяла его руку в свою и, помахивая игрушечным чемоданчиком, повела к «плимуту», стоящему у амбара. Антонов хмыкнул, он намеревался спросить еще раз насчет бензина, карт, документов, но

вдруг понял, что Люси продумала все детали до мелочей, что ему сейчас лучше заткнуться, поскольку она тут главная. Он вспомнил, как всю неделю, каждую ночь, он изобретал хитроумные способы бегства от Люси в Сан-Диего. Как он оставит ее в кафе, выйдя якобы позвонить. Или на автобусной станции пойдет за билетами. Еще был вариант заманить в кино и бросить там.

Антонов придержал ее за руку, она остановилась, вопросительно глядя на него. Он наклонился и поцеловал ее в губы. Держась за руки, они подошли к «плимуту» — по правому крылу шла длинная царापина, старая и проржавевшая, наверное, когда-то давно Люси зацепила при выезде ворота. Краска, некогда синяя, выгорела и была одного цвета с местным, белым от зноя, небом. Антонов поднял глаза — солнце в зените и ни облачка. Вдруг Люси вскрикнула, ее рука судорожно дернулась, словно она пыталась вырваться. Из темноты амбара, неспешно, как и полагается в добротном кошмаре, вышел Киллгор. Он, шурясь от солнца, остановился в дверном проеме. Дробовик он держал небрежно, одной рукой, прижав приклад локтем к телу. Антонов завороченно глядел на ствол, вороненая сталь отливала темно-синим. Киллгор сделал шаг, Антонов ощутил ладонью, как рука Люси стала холодной и задрожала. Он завороченно смотрел в черную дыру, Киллгор поднял ружье, взяв левой рукой за цевье — рука была одного цвета с деревом приклада, но не лаково-гладкой, а морщинистой и корявой, как сук.

— Отойди от нее, — произнес он шипло, будто со сна, указав ружьем.

Антонов разжал руку, сделал шаг в сторону, потом еще один. Ноги казались тряпичными и не слушались. Он не мог разглядеть глаз фермера, тот продолжал шуриться, со своей обычной гримасой брезгливой досады, но в этот момент Антонов понял, что сейчас будет убит и что нет такой силы на свете, которая смогла бы помешать этому. Дуло тарачилось ему в грудь, он уставился в эту дыру — ничего страшнее он в жизни не видел. Странная вещь случилась со временем: оно вдруг стало тягучим, как смола, превращая происходящее в нескончаемую пытку. Антонов зажмурился, Киллгор и его отвратительное ружье отпечатались негативом в мозгу, а после растаяли в карусели красных и лимонных пятен.

Грохнул выстрел. Антонов не ощутил ничего. Потом едко запахло пороховым дымом, запахло кисло и противно. Антонов открыл гла-

за. Люси лежала, удивленно раскинув руки ладонями вверх. Одна нога была вытянута, другая согнута в колене. Платье задралось, бедра у нее оказались совершенно не загорелыми и бледными по сравнению с золотистыми икрами. Кукольный чемодан раскрылся, на сухой глине валялся розовый тапок и тюбик зубной пасты. Антонов знал, что туда не надо смотреть, но все-таки поднял глаза — вместо лица было что-то багровое. Он хотел отвернуться, но против воли продолжал таращиться на это растекающееся красное пятно. Потянуло чем-то свежим и соленым. «У тебя час. Через час я звоню в тюрьгу», — хрипло сказал Киллгор.

Смысл слов не дошел до Антонова, он услышал лишь звук, будто это был скрип телеги или плеск воды, он не понимал, как этот грубый крестьянин с ружьем просочился в его тягучее измерение. «Прореха», — догадался он, наконец, сумев оторвать взгляд от красного. Посмотрел вверх и тихо повторил: «Прореха...» В ту же прореху влетели две юркие птицы и крича перечеркнули небо, в верхнем углу которого висела белая луна, похожая на едва различимый отпечаток на снегу. От мысли о снеге ему стало зябко, он громко икнул, его пробил озноб. Дрожа, он повернулся к фермеру. Киллгор крикнул: «Лови!» — и неожиданно швырнул ружье Антонову. Тот, вздрогнув, отпрянул, инстинктивно выбросил вперед руку и поймал дробовик. Киллгор, сунув кулаки в карманы комбинезона и словно потеряв интерес к происходящему, повернулся и зашагал в сторону шоссе. На бритом затылке, плоском и смуглом, ясно проступали продольные морщины, похожие на глубокие царапины. Антонов взвел курок и прицелился в затылок. Боек звонко цокнул в битый капсюль.

11

Стало тихо, лишь зной зудел на высокой прерывистой ноте. «Не зной, мухи», — догадался Антонов. Он опустил ружье, подошел к «плимуту» — ключа в зажигании не было. Дверь, щелкнув, открылась, он выгреб из бардачка ворох грязных бумаг, потрепанную инструкцию к эксплуатации, смятый фантик от шоколадки. Ключа не было. Он повернулся. Глядя на острую коленку, Антонов понял, что просто не сможет рывиться в вещах Люси. Он обошел машину, прислу-

шался. Бросил дробовик на землю, потом, передумав, поднял его и начал рукавом быстро протирать приклад и цевье.

Со стороны шоссе донесся шум мотора — Антонов на слух узнал грузовик Киллгора. Движок частил с перебоями, фермер выжал газ, мотор заурчал, торопливо захлебываясь. Звук становился слабее и тише, после растаял, оставив в воздухе тихое жужжанье мух. Час... Антонов замер, оглядевшись, сунул дробовик под машину, снова увидел торчащее колено и красное пятно, раскрытый чемодан, черный силуэт сухого дуба на холме. Над корявыми ветвями плавилось белесое от жары небо. Стало душно, солнце уже доползло до зенита и палило вовсю. Антонов нерешительно пошел в сторону дуба, постепенно ускоряя шаг. Ноги были тяжелыми, ватными, словно во сне. Он брел поперек грядок халапиньо, цепляясь ботинками за невысокие кусты и с хрустом давя спелые перцы. Огород кончился, он споткнулся, ударился коленом. Боль словно разбудила его. Он поднялся, быстро добежал до сухого дерева, остановился на холме, оглядываясь вокруг.

Склон холма, глинистый и рыжий, поросший сухим колючим кустарником, спускался в пологую равнину, серую и словно припорошенную пеплом. Там не росло ничего, кроме редких пучков седой, мертвой травы, похожей на паклю. Кое-где торчали темные валуны, по форме напоминавшие сторбленных монахов в капюшонах. На востоке в дрожащем мареве угадывались верхушки сторожевых вышек «Биржи», на западе вдоль горчичного горизонта тянулась пунктирная линия железной дороги с вертикальными черточками столбов. Антонов вспомнил слюнявых ротвейлеров и, громко топая, понесся вниз. Колючки цеплялись за штаны, в ботинки сразу набился песок и мелкие камни. Ноги бежали сами, пыля и взрывая рыжую корку глины. Склон кончился, Антонов по инерции пронесся дальше, потом сбавил скорость и, размеренно работая локтями, взял курс на запад. Кровь горячо пульсировала в голове, он старался дышать глубоко и ритмично. Пот щипал глаза, страшно хотелось пить. Уродливая, короткая тень, словно паясничая, прыгала и кривлялась под ногами. Железная дорога, как заколдованная, никак не хотела приближаться, оставаясь тонкой линией на кромке упрямо уползающего вдаль горизонта. Из-под ног выпархивали мелкие птахи, вроде воробьев, и, ругаясь и чирикая, кувырком уносились вверх. Меж пучков полыни испуганно шмыгали пыльные зверьки, а однажды Антонов в двух метрах от себя увидел толстую змею. Гадина, похо-

жая на обрубок черного шланга, грелась на камне и лениво проводила бегуна поворотом плоской головы.

Потом появился поезд, и Антонов понял, что железная дорога гораздо ближе, чем казалось. Товарняк, весело перестукивая колесами, бежал на юг, в сторону границы. Поезд состоял из платформ с контейнерами, нескольких гофрированных серебристых рефрижераторов и пары двухъярусных вагонов с новыми автомобилями. Состав замыкал прокопченный локомотив с логотипом в виде вздыбленного жеребца. Антонову почудилось, что он даже разглядел машиниста. О том, чтобы запрыгнуть в поезд на такой скорости не могло быть и речи. Ближе к полотну на колючках стали попадаться клочки бумаги, которые издали он принял за цветы. Смолисто пахло теплыми шпалами и нагретым металлом, Антонов моментально узнал запах из своего детства. Это было как удар под дых: между той русской железкой и этим калифорнийским полотном уместилась вся его жизнь, жизнь суетливая и бестолковая, но главное, совершенно бессмысленная. Он не мог вспомнить ничего — сорок лет жизни оказались картинкой из окна курьерского поезда: летящие пятна зеленого, убегающие деревья, стволы в солнечных бликах, стрелочники с размазанными лицами, неясный люд на переездах, тощие собаки, стремительные полустанки без названий, частокол гудящих столбов всех мастей.

Антонов взбежал на насыпь. Согнулся в изнеможении, уперев руки в колени. Сердце колотилось, он дышал, хватая ртом воздух, обширный инфаркт с летальным исходом показался ему сейчас таким заманчивым. Отдышавшись, он выпрямился и огляделся: по обе стороны полотна не было ничего. Ни деревьев, ни кустов. Не было даже камней, лишь высохшая глина горчичного цвета. Он даже подумал: «Может самому лечь на рельсы?» У этого варианта были недостатки: если его заметят, то поезд остановится, и его сдадут в полицию. Если его не заметят или заметят слишком поздно... Антонов сглотнул и, встав на колени, припал ухом к горячему рельсу. Сталь тихо пела, приближался следующий поезд.

Решение пришло внезапно, оно оказалось в меру безумным и на редкость простым. Антонов стянул через голову мокрую от пота рубашку, торопливо скомкав, завязал рукава узлом. Получился клетчат-

тый ком, размером со средний арбуз. Он пристроил его к одному из рельсов, а сам, прыгая по шпалам, побежал дальше. Метрах в пятидесяти стояли две металлических опоры с перекладиной, к которой крепились высоковольтные провода. Антонов ловко, как по лестнице, забрался наверх, лег на перекладину и пополз к середине. Остановился над рельсами южного направления; затея сверху выглядела не столь простой и уж точно гораздо безумней, нежели с земли. Он посмотрел на север, в перспективной точке схода рельсов появилась яркая звездочка, локомотив шел с включенным прожектором. Антонов распластался, прижимаясь к железу перекладины. Он прикидывал, как безопаснее прыгать: куда его потянет — вперед или назад, когда он коснется крыши вагона, прямо под ним противно зудел толстый металлический провод — в детстве они бегали смотреть на обугленный труп обходчика, который дотронулся до такого провода.

Локомотив приближался. Что-то заставило Антонова оглянуться. На западе, как раз откуда он пришел, на холме возникли крошечные фигурки, он разглядел собак, за ними бежали люди. Потом появился конник. Локомотив приближался, не сбавляя скорости. Состав был длинным, он приближался с грозным шуршащим звуком, словно надвигающийся ливень. От жары воздух плавился, и лобастый электровоз менял очертания, как мираж. Звук нарастал, вдруг локомотив пронзительно загудел, от испуга Антонов вздрогнул и еще сильнее прижался к перекладине. Поезд, гигантский и страшный, как дракон неумолимо неся навстречу Антонову, оглашая округу грохотом и лязгом. Стало ясно, что уловка не удалась, машинист просто не заметил скомканной рубахи на рельсах.

— Слишком быстро... — проворчал Антонов, подтягиваясь к краю и хватаясь обеими руками за продольную штангу перекладины. Ухнув, проскочил локомотив, понеслись блестящие крыши вагонов. Антонов перекинул тело и повис над поездом. Внизу все мелькало, сливаясь в одну грохочущую ленту. Рассчитать прыжок было невозможно.

«Дохлый номер», — подумал Антонов и разжал руки.

Подошвы обожгло от удара, его кинуло назад, и он покатился по крыше. Соскальзывая, упал на живот и, цепляясь ногтями, попытался удержаться. Ему удалось уцепиться за край. Он висел между вагонами, в узком гремящем пространстве. Башмаки скользили по жести облицовки, гладкой, как стекло. Антонов понял, что надо подтянуться на руках. Он понял, что на это уже нет сил.

Пальцы онемели, он знал — они сами отпустят край. Перед глазами поплыли красные и белые круги. Оставался ничтожный шанс, мизерная надежда, что он успеет удержаться на буфере, прежде, чем рухнет на полотно. Антонов зажмурился, закричал и отпустил край. Все тело пробила острая боль, жаркая и слепящая. От шока он на миг потерял сознание, но в последний момент успел ухватиться за какой-то шланг.

Шпалы мелькали, в лицо ударила горячая вонь смазки и гром колес. Страха больше не было, да и боль прошла, она сменилась нервным, пьянящим восторгом. «Жив! Неужели жив!?» Антонов, не отпуская спасительного шланга, устроился на буфере верхом, свесив ноги в сумрачное мельтешение шпал. Он пребывал в каком-то праздничном оцепенении, как юбиляр, ошарашенный неожиданным царским подарком. Шум и жара уже не казались столь омерзительны. Антонов заметил, что мертвая горчичная степь сменилась песчаными склонами с высокими пальмами, красивыми, будто с открыток из курортных мест. «Океан близко», — подумал он. И тут же меж холмов сверкнула вода. Пропала и вынырнула снова, уже ближе. Замелькали пятнистые стволы пальм, но вот кончились и они. Поезд бойко выскочил на взгорье, и Антонов обомлел: океан распахнулся от края до края, сияя и переливаясь всеми оттенками голубого. У горизонта голубой темнел и перетекал в синий — так незаметно начиналось небо, по которому ползли похожие на зефир облака. Поезд сбавил ход, он бесшумно катился по кромке пустынного пляжа.

Антонов ловким движением соскочил на землю и, легко пробежав по инерции несколько шагов, остановился. Песок был мелкий и мягкий, как пудра, и приятно грел пятки. Антонов добежал до воды, в полосе прибоя песок потемнел и стал плотным, на нем уже не оставалось следов. Тихая волна напоминала сонное дыхание: прозрачным накатом, без пены, ласково наползала на берег и так же неслышно уходила назад. Антонов огляделся: дальше начинались пологие дюны, кое-где поросшие зеленым камышом, за дюнами тянулся луг, переходящий в сочное клеверное поле; там белела часовня с игрушечной луковкой, к часовне примыкало кладбище, заросшее осокой, из которой выглядывали верхушки крестов и головы скорбных ангелов. Антонов узнал Ржаное кладбище и уже не удивился, разглядев за ним пожарную каланчу, а еще дальше — кирпичное

здание вокзала с готической башней. Солнце садилось, и круглый витраж в башне сиял не хуже розы Шартрского собора.

Из-за песчаных дюн раздались голоса, звон мяча, радостные возгласы. Антонов прислушался. Там, безусловно, творилось что-то веселое и интересное.

Кто-то знакомый крикнул: «Сергея! Айда в ворона играть!»

Антонов понял, что это зовут его, улыбнулся и, стряхнув ладонью с пяток мокрый песок, припустил во все лопатки в сторону дюн.

Калифорния